

УДК 316.013
ББК 60.55-422.5<https://doi.org/10.31862/3033-7909-2025-04-24-37>

24

ПРОБЛЕМА УТРАТЫ СУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: СОЦИОРЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

О.А. Игумнов, Г.С. Денисова

Аннотация. В статье представлен критический анализ алгоритмических практик управления, активно применяемых в различных сферах. На основе выявления специфики указанного вида управления сделан вывод о том, что алгоритмическое управление, основанное на профилировании субъекта, по сути, подменяет процесс воспроизводства субъектности процессом десубъективации, что приводит к киберпротезированию социальных отношений. Авторами отмечено, что в условиях цифровизации управления и «искусственной» социальности эволюционирует и сам концепт «субъектность», приобретая новые формы. Концепции алгоритмизированного управления авторы противопоставляют концепцию субъект-субъектного подхода, рассматриваемого в контексте социоресурсного представления о социальном управлении, на основе которого формируются социальные ресурсы управления организациями, а сами организации становятся социоресурсными по сути. Сделан вывод о необходимости расширения предметно-проблемного поля социологии управления за счет включения в него вопросов взаимодействия человека с агентами «нечеловеческой» природы. Обоснованы направления расширения предметно-проблемного поля и понятийного поля социологии управления в контексте проблематики статьи.

Ключевые слова: алгоритмизированное управление, субъектность, утрата субъектности, субъект-субъектный подход, социоресурсный подход в управлении, социальный капитал, социальные ресурсы, социально ориентированное управление, социоресурсная организация.

Для цитирования: Игумнов О.А., Денисова Г.С. Проблема утраты субъектности в условиях алгоритмизации управления: социоресурсный подход к интерпретации // Социально-гуманитарные исследования: социология, экономика, право. 2025. № 4. С. 24–37. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-24-37

© Игумнов О.А., Денисова Г.С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE SUBJECTIVITY LOSS PROBLEM IN THE CONTEXT OF MANAGEMENT ALGORITHMIZATION: A SOCIORESOURCE APPROACH TO INTERPRETATION

25

O.A. Igumnov, G.S. Denisova

Abstract. *The article presents a critical analysis of algorithmic management practices that are actively used in various fields. Based on the identification this type of management specifics it is concluded that algorithmic management based on profiling the subject, in fact, replaces the process of subjectivity reproduction by the process of desubjectification which leads to social relations cyber prosthetics. The authors noted that in the management digitalization context and “artificial sociality” the concept of “subjectivity” itself is evolving, acquiring new forms. The authors contrast the concept of algorithmic management with the concept of the subject-subject approach considered in the context of the socio-resource concept of social management, on the basis of which the social resources of organizations managing are formed, and the organizations themselves become essentially socio-resource. It is concluded that it is necessary to expand the management sociology subject-problem field by including human interaction with “non-human” nature agents issues.*

Keywords: *algorithmized management, subjectivity, loss of subjectivity, subject-subject approach, socio-resource approach in management, social capital, social resources, socially oriented management, socio-resource organization.*

Cite as: Igumnov O.A., Denisova G.S. The subjectivity loss problem in the context of management algorithmization: a socioresource approach to interpretation. *Sotsialno-gumanitarnye issledovaniia: sotsiologiia, ekonomika, pravo*. 2025, No. 4, pp. 24–37. DOI: 10.31862/3033-7909-2025-04-24-37

Введение

Проблема субъектности в современных условиях находится в фокусе социологии управления несмотря на кажущуюся очевидность ее значимости для социологической науки. В настоящее время актуальность данной проблемы повышается в связи с появлением и развитием новых тенденций в управленческой практике, которые, по нашему мнению, требуют именно социологического осмысления, поскольку проблема субъектности в организациях связана с общими проблемами повышения эффективности социального управления. Одним из аспектов проблемы выступает снижение уровня субъектности членов организации и последующей ее утраты теми, кого в классическом подходе к управлению принято определять «объектами» управления. Указанный процесс обусловлен, по нашему мнению, недостаточной интеграцией идеи субъект-субъектного подхода в процессы управления организациями, которая воспринимается менеджерами как достаточно привлекательная, но бесполезная абстракция.

Проблема субъектности требует осмысления именно на мезоуровне – уровне социальных организаций, в которых индивиды проводят значительную часть активной жизни, приобретая социальный и профессиональный опыт, участвуя в процессах социального воспроизводства. Как показывают данные исследований субъектности в управлении, в ряде организаций она рассматривается как значимая организационная проблема, которая переводится в задачи управленческой практики, направленные на формирование «человекоцентричной» организации. Отметим при этом, что подобный поворот в управлении можно считать скорее больше интуитивным, прагматически определенным, нежели научно обоснованным. Данным обстоятельством, как нам представляется, может быть объяснена сложность интеграции субъект-ориентированных практик в управление организациями.

Другим фактором, осложняющим выход на субъект-субъектное взаимодействие в процессе управления организациями, является переход к алгоритмизированным практикам, в результате которых субъектность подменяется «субъективацией», не предполагающей содержательной обратной связи, что «убивает» самую суть субъектности, выхолащивает социальную природу процесса управления, сводя его к руководству поведением на основе формирования контролируемого «пространства данных» [15, с. 89].

В статье представлен анализ причинно-следственных механизмов утраты субъектности в результате распространения алгоритмизированных практик управления с позиций представления о субъекте как факторе формирования социальных ресурсов управления в контексте социоресурсного подхода к его интерпретации.

Методы

Методологическую основу исследования составляют работы, раскрывающие специфику субъектности как феномена и основы процесса управления организациями, в том числе исследования, проведенные одним из авторов [7], исследования по проблемам субъект-субъектного подхода в управлении, социоресурсного подхода в управлении как основы формирования социоресурсной организации [3; 4]. Приведенная в статье научная аргументация опирается на совокупность теоретических методов исследования (системный анализ и обобщение), а также применение интерпретативного подхода к описанию механизма конкретных управленческих практик и их возможных следствий.

Основное исследование

Использование алгоритмизированных моделей в практике управления рассматривается как неизбежная данность, что сторонниками данных систем объясняется двумя, как минимум, обстоятельствами: а) «упрощением» самого процесса управления (что вряд ли может быть обосновано именно как упрощение, скорее как снижение уровня сложности (данные понятия, в нашем понимании, совсем не тождественны)) и б) спецификой ситуации, при которой формирование и развитие субъектности, ее воспроизводство подменяются, по сути, объективацией и десубъективацией [15, с. 91], результатом чего выступает появление слоя подчиненных без конкретного «образа», субъектов без «субъектности», действующих по «сигналам» («аффордам» и «промптам»). Более того, сторонники алгоритмизированного управления с использованием искусственного интеллекта (ИИ) обосновывают необходимость его применения, используя тезис о том, что сам ИИ, представляя собой «пространство

для рефлексии новой субъектности» [21, с. 55], «формирует алгоритм лояльности к человеку». При этом авторы не объясняют причины и необходимость подобной «лояльности» в условиях «новой субъектности».

Использованию указанных моделей в значительной степени способствует ставшее уже классическим понимание управления как «процесса воздействия субъекта на объект для достижения цели субъекта», в рамках которого объект не рассматривается как субъект по определению.

Полагаем целесообразным сущностно определить алгоритмизированное управление, выделив его концептуальные положения, что позволит, по нашему мнению, соотносить данный подход с иными подходами к пониманию социального управления.

Алгоритмизированное управление понимается как: а) форма управления на основе использования инструментов ИИ и технологий блокчейна, с помощью которых формируются цифровые профили тех, кем управляют (в указанном смысле она альтернативна социально упорядоченной и социально регулируемой формам социального управления); б) набор технологических инструментов и методов, предназначенных для сбора данных и наблюдения за работниками, удаленного управления ими с целью автоматического или полуавтоматического принятия значимых решений; в) «власть, основанная на использовании алгоритмов, реализуемая при помощи автоматических средств» [1].

В работах А. Рувруа и Т. Бернса [28], обосновавших концепцию алгоритмизированного управления, описаны несколько его этапов. Первый этап направлен на сбор и хранение данных, при этом участие субъекта в данном процессе минимально, поскольку любые формы преднамеренности заранее исключены, а большинство субъектов сами охотно делятся своими данными в социальных сетях, блогах, влогах и списках рассылок.

На следующем этапе данные представляются как «объективность», о которой много и активно говорят, но чем больше о ней говорят, тем активнее формируется ситуация, которую пропоненты алгоритмического управления А. Рувруа и Т. Бернс определили как «обобщенный цифровой бихевиоризм»: качественно разнообразная реальность трансформируется в консистентные «пиксели» данных, образующих совокупности десемантизированных цифровых корреляций, а сами «пиксельные» совокупности становятся основой алгоритмического профилирования и управления субъектами.

Примечательно, что в данном случае значительный объем данных формирует стойкую убежденность в том, что они не могут быть иными, кроме как реальными (парадоксальный случай, когда «количество» переходит в «качество», представленное «новой реальностью»). Данная «реальность» воспринимается как естественная норма, поскольку не предполагает принуждения, поэтому у субъекта и возражений против подобных практик не возникает, а будущее становится вполне предсказуемым: любые события будут «трансформированы в пиксели» и многократно агрегированы с другими «пиксельными совокупностями», а затем представлены субъекту как данность.

Согласимся с позицией А.А. Сизова, утверждающего, что «сам процесс сбора и анализа данных... и порождаемые ими отношения власти [представляют собой] асимметричные социальные отношения» [18, с. 39], но вместе с тем подчеркнем, что его утверждение о том, что «насиловственными могут быть только социальные отношения» не представляется нам бесспорным, тем более что и сам автор

утверждает, что «насильственность определяется не физикой воздействия, но асимметрией влияния индивида со стороны другого индивида» [18, с. 39]. Утверждение сторонников алгоритмизированных практик управления о том, что данный подход не предполагает никакого насилия, не выдерживает критики, поскольку не имеет значения, в какой форме – надзора или наблюдения – осуществляется профилирование субъектов: сам факт алгоритмичности определяет специфику складывающейся в результате данного процесса структуры асимметричных социальных отношений, в рамках которой и возможно насилие (форма проявления которого не влияет на его сущность). Кроме того, любое проявление насилия в процессах управления, в нашем понимании, исключает признание взаимной субъектности его участников

По образному выражению В. Беньямина, «алгоритмическое управление постоянно “перетасовывает карты” гомогенных данных в “пустом и гомогенном времени”» [Цит. по: 10, с. 26], что приводит к «уплощению» мира, понимаемому как мир, лишенный исторического или, в терминологии М. Фуко, «генеалогического» измерения.

Существенной особенностью алгоритмизированных практик является отсутствие у них ориентации на дисциплинарное воздействие на субъекта в любом виде или формирование его сознания: у субъекта больше нет необходимости: а) формулирования самостоятельных суждений (все суждения уже определены, сформулированы и доведены до сведения субъекта), б) принятия решений с учетом неопределенности (поскольку сама возможность неопределенности исключена), в) обсуждения и дискуссий по большинству проблем, так как наличие проблем также не предполагается.

Собственно, уже на этапе сбора данных и их профилирования субъект, понимаемый как объект алгоритмизированного управления, утрачивает субъектность, которая «пикселизируется» посредством многократного комбинирования и перекомбинирования, поэтому объект в данной парадигме управления никогда не сможет стать субъектом. Подобным «объектом» можно управлять без учета его реально существующих субъектных атрибутивов (способности к пониманию, рефлексии и самовыражению, сила воли и т.п.), которые не включаются в модель «объекта». Очевидно, что исключение указанных свойств обуславливает и трансформацию природы социальных отношений: они перестают быть наполненными социальной энергией, порождающей синергизм совместной деятельности и способствующей формированию ощущения «мы» как социальной целостности и основы социальной солидарности. По сути, алгоритмизация приводит к «киберпротезированию» социальных отношений.

Алгоритмизация управления определяет эволюцию субъектности в ее классическом понимании, способствуя формированию признаков «гибридного» субъекта посредством цифровых инструментов коммуникации: а) транскодинг (абсолютно всё переводится в цифровые данные, соотносящиеся с алгоритмами, софтом, а не с существующей культурой), б) программируемость (благодаря программному обеспечению можно серьезно менять установившиеся порядки коммуникации), в) автоматизацию (тренд от творческого процесса в политике, законотворчестве в сторону стандартизации компонентов и функций коммуникации), г) модульность (благодаря алгоритмической природе шаблонов цифровые медиа приобретают схожие признаки модульных систем) и д) вариативность (компоненты цифровых медиа создают множество собственных версий, а не одинаковых копий) [14].

«Гибридизация» субъекта является характерной чертой наметившейся эволюции субъектности в традиционном понимании, которая заключается в том, что она вносит элементы дифференциации в универсальную систему субъект-объектных

отношений. Системным драйвером подобного сдвига объективно выступают цифровизация и генетически связанный с ней цифровой капитализм, обуславливающие новые конфигурации системы социальных отношений и появление новых социальных акторов (прекариат, «неолуддиты», временные «цифровые толпы»).

Другой формой результатов трансформации субъектности выступает так называемая «ложная субъектность», которая, по сути, является гибридной, так как не обладает признаками автономного субъекта-актора, самостоятельно устанавливающего цели своей деятельности и выбирающего ресурсы для их достижения [9, с. 18]. Указанные трансформации субъектности каузально определены закономерностями новой «искусственной» социальности, «существующей в двух модусах – как взаимодействие людей посредством машин и как взаимодействие человека с машинами» [1, с. 48].

Вероятно, появление феномена «искусственной» социальности означает, что пришло время расширить предметно-проблемное поле социологии управления за счет включения в него вопросов взаимодействия человека с агентами «нечеловеческой» природы, которые подменяют привычные социальные отношения. При этом идея авторов ряда публикаций, предлагающих «анализировать такие гибридные (атипичные) явления, процессы и феномены в рамках атипичной социологии, которая будет интересоваться проблемой влияния алгоритмов на социальные отношения, и заниматься реконфигурацией социологического инструментария для анализа несоциальных параметров» [17, с. 10] представляется нам не вполне корректной.

Социология управления как раздел социологической науки ориентирована на исследование социологических аспектов управления независимо от их природы, при этом их атипичность – это лишь новый ракурс проблемы управления, в рамках которой может развиваться новое научное направление. Цифровизация как фактор социального управления формирует алгоритмизированную социотехническую реальность, обуславливающую эволюцию классического субъекта. Очевидно, что задача социологии управления – осмыслить новые реалии управленческой практики с целью исключения (или, по крайней мере, купирования) возможности утраты субъектности большинством участников данного процесса.

Критическая оценка представленного выше «алгоритмизированного» подхода представляется целесообразной с позиций противостоящего ему субъект-субъектного подхода, который мы предлагаем рассматривать в широком смысле понимания субъекта как социального феномена, и в конкретном социолого-управленческом контексте.

С позиций социологии управления основу пропонируемой нами позиции составляет концептуальный подход, в соответствии с которым «социальное управление в организации может быть представлено как определенный тип взаимодействия, складывающегося между двумя субъектами, один из которых в этом взаимодействии находится в позиции субъекта управления» [6, с. 165–166], «субъектная структура» (по определению В.С. Стёпина [23, с. 8], «а второй – в позиции объекта управления» [6, с. 166], которая не исключает, а предполагает его субъектность и партнерский характер взаимодействия. Указанное взаимодействие логично понимать как «сознательно конструируемый и направляемый социокультурный механизм регуляции отношений между участниками совместной деятельности, сочетающий их интересы, организацию и самоорганизацию, формальные и неформальные нормы, достижение продуктивных целей и устойчивости социальных связей» [22, с. 45].

По данным наших исследований, проблема отношений субъекта и объекта в управлении – одна из базовых проблем в социологии управления,

что обусловливается, с одной стороны, ее амбивалентным характером, с другой стороны, неоднозначностью интерпретации указанных концептов в социологической науке. В контексте темы статьи данная проблема актуализирована и спецификой самой дихотомии «субъект-объект», которая в современных условиях рассматривается как демонстрирующая значительное повышение роли индивида как субъекта социальных отношений в организациях и представлением субъектности как его ключевого атрибута.

Мы исходим из того, что в исследовании своего предмета социология управления опирается на определенную теоретическую модель, которая соответствует универсальным принципам деятельностно-структурной парадигмы, позволяющей рассматривать механизм управления в контексте субъект-объектных отношений. Вместе с тем схемы исследования проблем социологии управления включают не только идеальные модели универсальных принципов управления, основанные как на практике управления, так и на сформировавшемся и социологически осмысленном знании о социальной реальности.

Организация, как система социального управления, основана на отношениях власти и подчинения между субъектом и объектом в рамках управления как единого процесса социальной природы. Целью управленческой деятельности в этом случае является, в традиционном понимании, трансформация объекта управления (как организации, так и работников) с учетом определяющих его функционирование объективных закономерностей. Участниками данного процесса «выступают два диалектически взаимосвязанных в рамках управленческих отношений актора: *субъект управления*, инициирующий управленческое действие на основе управленческих решений и их реализацию, и *объект управления* – элемент организации, воспринимающий управленческое воздействие субъекта и обеспечивающий его выполнение» [6, с. 166].

Результаты проведенных нами исследований показывают, что «в практике управления модели универсальных действий отличаются многократной повторяемостью: субъект управленческой деятельности разрабатывает идеальные конструкции как задачи и схемы их решения, а также средства воздействия на объект, адекватные поставленной задаче. С точки зрения социологии управления, субъект управления вступает с другими субъектами в субъект-объектные («руководитель – подчиненный») и субъект-субъектные («личность – личность») отношения» [8, с. 325].

В отличие от стереотипного представления об индивиде как объекте управления, в качестве такового социология управления рассматривает и совместную деятельность людей «в процессе достижения ими определенного будущего состояния предмета их деятельности» [19, с. 50].

В указанном выше контексте обоснована и целесообразна дифференциация: «а) субъект-объектных отношений, понимаемых в строго управленческом (классическом) смысле, когда объект управления выступает как часть системы управления, в которой доминирует субъект, а объектом выступает *деятельность* как таковая и ее результаты (производство социально значимого продукта, услуги); б) субъект-субъектных отношений, интерпретируемых в социолого-управленческом контексте как взаимодействие, в рамках которого в роли объекта выступает, по сути, субъект как «*другой*», как партнер по взаимодействию» [2, с. 184–185], в связи с чем объектом управления в широком смысле выступает не только индивид, но и *формирование отношений по поводу деятельности*, что трансформирует и цель управления,

обогащая ее социальной составляющей, представленной в виде нового качества социальных отношений.

Подобные отношения создают условия для формирования и развития агентности, определяемой, в подходе А. Сена, как «способность... ставить цель, выбирать средства ее достижения и достигать ее» [29; 30]. Повышение уровня агентности обуславливает качественно иной уровень возможностей адаптивности каждого работника в организации.

В общетеоретическом смысле универсальность отношений управления обусловлена отношениями зависимости, «благодаря которым один субъект имеет возможность влияния на деятельность других субъектов. Это универсальное отношение субъекта и объекта управленческой практики относится к средствам деятельности (они должны быть достаточными) и к другим условиям их осуществления и может выражаться характером и степенью» [19, с. 49–50].

Предлагаемое нами понимание сущности социальных отношений в организации в рамках субъект-субъектной парадигмы вносит определенный вклад в развитие теоретических аспектов проблемы интерсубъективности, отношения, понимаемого, в подходе А. Шютца, «само собой разумеющимся», принимаемым «без вопросов как данность» [26, с. 82], и трактуемого как теоретическая рамка «для размышлений о том, как люди интерпретируют, организуют и воспроизводят конкретные формы социальной жизни и социального познания» [26, с. 2] в рамках зарождающегося «интерсубъективного поворота» в отдельных отраслях социального знания (см., например: [24]).

В рамках данного «поворота» актором социальных отношений в организации логично выступает «собранный субъект» (М.К. Мамардашвили), то есть субъект, «собранный из того, что остается в нем несобранным и рассеянным во множестве *межчеловеческих отношений*» [16, с. 236] (выделено нами. — О.И., Г.Д.), что предполагает «...сосредоточение и координированное держание условий своего собственного воспроизводства и пребывания в качестве актуального состояния» [12, с. 141].

В широком смысле проблема субъекта – это проблема субъективации как «процесса производства субъектов» [15, с. 91], подтверждающего мысль М. Фуко о том, что человек является результатом, продуктом, «самосозидаемым неприродными средствами» [13, с. 16], а не исходной и естественной данностью. Данное представление расширяет понимание процесса управления как социальной практики *формирования субъектов*, в отличие от *управления поведением*, на чем фокусируются алгоритмизированные практики.

По сути, разница в подходах заключается в различных ответах на вопросы: «Что означает управление?», «Управлять кем или управлять как?». Для алгоритмизированных практик важнее *как управлять*, в то время как для субъект-субъектного подхода приоритетно *кем управлять* (поскольку «кем» определяет «как»). Разность ответов на одинаковые вопросы обуславливает и сущностные различия в подходах.

Так, в рамках алгоритмизации управления, предложенной А. Рувруа, в основу управления положены алгоритмы, полученные в результате анализа больших данных и основанных на них индивидуальных профайлов [28]. По сути, это управление профилями, паттернами, не людьми, а их «образами», созданными «лояльным к человеку» ИИ. Подобное управление «направлено не на причины, а на следствия... не на формирование качеств, отношений, действий, ситуаций, которые бы благоприятствовали положительному исходу или минимизировали вероятность негативного» [15, с. 95].

Алгоритмизированные практики ориентированы на воздействие на следствия, а не на причины, их определяющие, поэтому они не предполагают ни нормирования, ни формирования взаимодействия между индивидами, ни их субъективации, изначально предполагая лишь нейтрализацию следствий. Очевидным следствием подобного подхода является отсутствие предложения управляемым от управляющих какого-либо образа реальности, управление транслирует только принятые решения. На практике это приводит к десубъективизации, поскольку ведущими становятся не качественные, а количественные параметры, замещающие реальность. Индивидуальные профили не образуют целостность личности, а управление не учитывает реальные способности к пониманию, возможности выражения и воображения, что не предполагает *рефлексивных* (осмысленных, оценочных) действий, которые заменяются действиями *рефлекторными* (непроизвольными, бессознательными, закрепленными на уровне реакций на конкретное воздействие).

По сути, алгоритмизированное управление, обеспечивая руководство поведением, «прекращает» процесс самовоспроизводства субъектов посредством возрастающих смыслов, что ведет к утрате их субъектности. Другим негативным следствием алгоритмизированного управления выступает утрата коммуникативной активности, отражающей специфику субъект-субъектной парадигмы в управлении [11], а также проблема риска алгоритмизации опыта, под которой понимается «утрата персонализированной инаковости, подмена межкультурного диалога отражением собственных установок» [21, с. 62].

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о нарастающе негативном характере воздействия алгоритмизированного управления на степень и уровень субъектности объекта управления. Оптимизм вселяет противоположная алгоритмизации тенденция к «субъективизации» объекта управления, отражающая так называемый «третий сдвиг» в социологии, понимаемый как «формирование обладающего знанием и смыслом актора» [20, с. 52; 25]. Указанный поворот обуславливает изменение самого феномена социального управления, который «предстает как согласованная система действий социальных акторов, поддерживающих и конструктивно изменяющих социальный порядок без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности в контексте данной культурной среды» [22, с. 41].

Наша концептуальная позиция заключается в понимании субъект-субъектного подхода в управлении организациями с позиции социоресурсного подхода, в рамках которого данный подход представляет собой фактор складывания социальных отношений качественно нового типа. Основная идея социоресурсного подхода заключается в том, что в процессе социальных взаимодействий создаются и воспроизводятся социальные ресурсы, обеспечивающие уникальность, перспективы и возможности развития организации. Основной формой социальных ресурсов выступает социальный капитал организации, формирующийся на основе доверия, норм и взаимности, которые создают его основу только при условии обеспечения проявления субъектности всех участников процесса управления и их взаимодействия как социальных партнеров.

Реализация на практике социоресурсного подхода в организации обеспечивает формирование и развитие социоресурсного управления, которое в нашем подходе понимается как «вид социального управления организациями, основанный на целенаправленном взаимодействии субъектов управления в использовании социальных ресурсов (вход) и социальных технологий их преобразования (процесс)

в результаты (выход) для перевода организации в желаемое качественное состояние, обеспечивающее ее устойчивое инновационное функционирование и сбалансированность социально значимых интересов субъектов управления» [7, с. 218]. Организация с подобным типом управления приобретает характер социоресурсной социальной системы, в которой социальные ресурсы *in adjecto* обеспечивают социальную эффективность и устойчивое инновационное развитие. Практическая ценность подобного типа систем определяется тем, что управление в них осуществляется на основе неманипулируемого интерактивного механизма, устойчивого к целенаправленному искажению любыми агентами сообщаемой информации с целью обеспечения принятия наиболее благоприятных для них решений.

Обратим внимание на проблему, которая пока не находит отражения в публикациях по проблемам социологии управления. Утрата субъектности конкретным индивидом, по нашему мнению, не только в целом негативно сущностно изменяет характер управления организациями, но и продуцирует проблему утрату субъектности организациями. По сути, речь идет об отчуждении работника от организации, что противоречит сложившемуся пониманию корпоративной культуры в рамках субъект-субъектной парадигмы, предполагающему включение индивида в систему управления как действующего актора и партнера. Иными словами, практики алгоритмического управления актуализируют еще и проблему купирования тенденции к дегуманизации управления.

Важность проблемы субъектности работников обуславливает и актуальность проблемы утраты субъектности организаций. Роль организаций как активных субъектов, влияющих на жизнь общества, ведущих при этом относительно независимую от общества жизнь, реализуя собственные цели, возрастает, что не может не учитываться на уровне социума. Утрата субъектности членами организации обедняет жизнь самой организации и приводит к утрате ею уникальности, снижению уровня адаптивности, что ускоряет переход к завершающему этапу ее жизненного цикла. Исследование степени корреляции взаимосвязи уровней субъектности работников и субъектности организации, как нам представляется, составляет актуальную задачу социологии управления.

Выводы

В современных условиях алгоритмизация управления выступает как значимый фактор утраты субъектности участников процесса управления, которая подменяется процессом десубъективации, что обуславливает формирование «искусственной» социальности, «киберпротезирование» социальных отношений и трансформацию субъектности с ее фактической утратой.

Процессу утраты субъектности препятствует интеграция субъект-субъектного подхода в практику управления организациями в рамках социоресурсного подхода, направленного на формирование социальных ресурсов и их использование для повышения социальной эффективности управления и инновационного развития. Тенденция к «субъектизации» объекта направлена на решение задачи «перекрыть» влияние тенденции к утрате субъектности в управлении посредством формирования и реализации парадигмы «субъект-полисубъектная среда», в рамках которой социальные общности (коллективы организаций) представлены не деперсонифицированными конгломератами, а целостностями, образованными множеством субъектов.

Данная парадигма вполне адекватно отражает специфику постнеклассической научной рациональности, которая, акцентируясь на субъект-субъектных отношениях, трансформирует представления о классических субъект-объектных отношениях, формирующихся в «человекоразмерных системах» (В.Е. Лепский). Обоснование категории полисубъектности и ее интеграции в практику, что позволило бы расширить категориальный аппарат социологии управления, по нашему мнению, составляет одну из актуальных задач данного раздела социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40–55. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.04> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Игумнов О.А. «Капитализация» социального капитала организации как ресурса управления: социологические аспекты // Прорывные научные исследования: проблемы, пределы и возможности: сборник статей Международной научно-практической конференции (г. Казань, РФ, 2 февраля 2023 г.). Уфа: Omega science, 2023. С. 182–191.
3. Игумнов О.А. Социальный капитал в управлении организациями: социологические перспективы социоресурсного подхода // Социология. 2025. № 1. С. 105–111. URL: <https://doi.org/10.61726/7965.2025.10.49.001> (дата обращения: 18.12.2025).
4. Игумнов О.А. Социально ориентированное управление и человекоцентричная организация в контексте субъектизации объекта // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 177–182. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2025.1.52062> (дата обращения: 18.12.2025).
5. Игумнов О.А. Социальный капитал как социальный ресурс управления российских организаций в условиях изменяющейся управленческой среды // Социология. 2022. № 3. С. 179–188. URL: <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-3-179-188> (дата обращения: 18.12.2025).
6. Игумнов О.А., Иванов С.Ю. Организация как система социального управления: социологический подход // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: LII Международная научно-практическая конференция (г. Пенза, 15 января 2022 г.). 2022. С. 164–174.
7. Игумнов О.А., Иванов С.Ю. Социоресурсный подход в социальном управлении: постановка проблемы // Социология. 2022. № 1. С. 215–224. URL: <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-1-215-224> (дата обращения: 18.12.2025).
8. Игумнов О.А., Мусарский М.М. Аксиологические аспекты социального капитала как ресурса управления организацией // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 февраля 2023 г.). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. С. 323–327.
9. Каспэ С.И. Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 3. С. 6–36. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3\(78\)-Pages-001-206.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3(78)-Pages-001-206.pdf) (дата обращения: 18.12.2025).
10. Кобылин И. «Подъем переворотом»: история в чрезвычайном положении // Неприкосновенный запас. 2022. № 4 (144). С. 7–27.
11. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 255 с.

12. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993. 352 с.
13. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 433 с.
14. Манович Л. Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем, 2018. 400 с. С. 61–85.
15. Писарев А.А. Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом // Вопросы философии. 2025. № 10. С. 89–110.
16. Подорога В.А. Топология страсти. Мераб Мамардашвили: современность философии. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2020. 352 с.
17. Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 3–12. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250008489-0> (дата обращения: 18.12.2025).
18. Сизов А.А. Надзор и структурное насилие: от Паноптикона к алгоритмам // Социология власти. 2025. № 37 (3). С. 36–60. EDN: H1DJKV.
19. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2014. – 560 с.
20. Титаренко Л.Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм: пособие. Минск: БГУ, 2015. 215 с.
21. Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В., Штомпель Л.А. Гибридная субъектность в условиях интеллектуализированной урбанистики: к концепции смарт-субъекта // Вопросы философии. 2026. № 2. С. 53–63.
22. Тихонов А.В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40–45.
23. Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественно-научных знаний. Материалы «круглого стола» // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 5–29.
24. Шмерлина И.А. «Интерсубъективность»: становление социально-феноменологического понятия // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 35–39.
25. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 64–72.
26. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; науч. ред. перев. Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
27. Duranti A. Husserl, intersubjectivity and anthropology // Anthropological Theory. 2010. Vol. 10. № 1. P. 1-20.
28. Rouvroy A., Berns T., Carey-Libbrecht L. Algorithmic governmentality and prospects of emancipation // Réseaux. 2013. № 177 (1). P. 163–196. URL: <https://doi.org/10.3917/res.177.0163> (дата обращения: 18.12.2025).
29. Sen A. Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures // Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 4. P. 169–221.
30. Sen A. Development as freedom. 1st ed., 6th print. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 384 p.

REFERENCES

1. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Osobennosti fenomena sub'ektnosti v usloviyah sovremennykh tekhnologicheskikh transformacij // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 5. S. 40-55. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.04.

2. Igumnov O.A. “Kapitalizaciya” social’nogo kapitala organizacii kak resursa upravleniya: sociologicheskie aspekty / O.A. Igumnov // *Proryvnye nauchnye issledovaniya: problemy, predely i vozmozhnosti: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Kazan’, RF, 2 fevralya 2023 g.)*. Ufa: Omega science, 2023. 218 s. S. 182–191.
3. Igumnov O.A. Social’nyj kapital v upravlenii organizacijami: sociologicheskie perspektivy socioresursnogo podhoda // *Sociologiya*. 2025. № 1. S. 105–111. 0,4 p.l. DOI: 10.61726/7965.2025.10.49.001.
4. Igumnov O.A. Social’no orientirovannoe upravlenie i chelovekocentrichnaya organizaciya v kontekste sub’ektizacii ob’ekta // *Social’no-gumanitarnye znaniya*. 2025. № 1. S. 177–182. DOI: 10.34823/SGZ.2025.1.52062.
5. Igumnov O.A. Social’nyj kapital kak social’nyj resurs upravleniya rossijskih organizacij v usloviyah izmenyayushchejsya upravlencheskoj sredy // *Sociologiya*. 2022. № 3. S. 179–188. DOI: <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-3-179-188>.
6. Igumnov O.A., Ivanov S.YU. Organizaciya kak sistema social’nogo upravleniya: sociologicheskij podhod // *Fundamental’nye i prikladnye nauchnye issledovaniya: aktual’nye voprosy, dostizheniya i innovacii. LII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 15 yanvarya 2022 goda. g. Penza. 2022*. 202 s. S. 164–174.
7. Igumnov O.A., Ivanov S.YU. Socioresursnyj podhod v social’nom upravlenii: postanovka problemy // *Sociologiya*. 2022. № 1. S. 215–224. DOI: <https://doi.org/10.24412/1812-9226-2022-1-215-224>.
8. Igumnov, O.A., Musarskij M.M. Aksiologicheskie aspekty social’nogo kapitala kak resursa upravleniya organizaciej // *Sovremennaya nauka: aktual’nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej XXIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Penza, 10 fevralya 2023 g.)*. Penza: MCNS “Nauka i Prosveshchenie”, 2023. 348 s. S. 323–327.
9. Kaspe S.I. Protiv avtonomnogo sub’ekta: kak nel’zya i kak mozžno ispravit’ politicheskuyu formu // *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*. 2015. № 3. S. 6–36. [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3\(78\)-Pages-001-206.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2015-3(78)-Pages-001-206.pdf).
10. Kobylin I. “Pod’yom perevorotom”: istoriya v chrezvychajnom polozhenii // *Neprikosnovennyj zapas*. 2022. № 4(144). S. 7–27.
11. Lepskij V.E. *Refleksivno-aktivnye sredy innovacionnogo razvitiya*. M.: Kogito-Centr, 2010. 255 s.
12. Mamardashvili M.K. *Kartezianskie razmyshleniya*. M.: Izdatel’skaya gruppa “Progress”; “Kul’tura”, 1993. 352 s.
13. Mamardashvili M.K. *Neobhodimost’ sebya*. M.: Labirint, 1996. 433 s.
14. Manovich L. *Yazyk novyh media*. M.: Ad Marginem, 2018. S. 61–85.
15. Pisarev A.A. Algoritmicheskoe upravlenie: sub’ektivnaya pod voprosom // *Voprosy filosofii*. 2025. № 10. S. 89–110.
16. Podoroga V.A. Topologiya strasti. Merab Mamardashvili: sovremennost’ filosofii / V.A. Podoroga. M.: Kanon + ROOI “Reabilitaciya”, 2020. 352 s.
17. Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. Sociologiya v epohu “iskusstvennoj social’nosti”: poisk novyh osnovanij // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2020. № 2. S. 3–12. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250008489-0>
18. Sizov A.A. Nadzor i strukturnoe nasilie: ot Panoptikona k algoritmam // *Sociologiya vlasti*. 2025. № 37(3). S. 36–60. EDN: HIDJKV.
19. Sociologiya upravleniya: fundamental’noe i prikladnoe znanie / Otv. red. A.V. Tihonov. M.: “Kanon+” ROOI “Reabilitaciya”, 2014. 560 s.

20. Titarenko L.G. *Sovremennaya zapadnaya sociologiya: rekonstrukciya paradigm: posobie* / L.G. Titarenko. Minsk: BGU, 2015. – 215 s.
21. Tihomirova E.G., Dushkin R.V., Shtompel' L.A. Gibridnaya sub'ektnost' v usloviyah intellektualizirovannoj urbanistiki: k koncepcii smart-sub'ekta // *Voprosy filosofii*. 2026. № 2. S. 53–63.
22. Tihonov A.V. Ot sociologii menedzhmenta k sociologii upravleniya // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2011. № 2. S. 40–45.
23. Filosofiya upravleniya slozhnost'yu v usloviyah konvergencii sociogumanitarnyh i estestvenno-nauchnyh znaniy. Materialy "kruglogo stola" // *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2017. T. 22. № 1. S. 5–29.
24. Shmerlina I.A. "Intersub'ektivnost'": stanovlenie social'no-fenomenologicheskogo ponyatiya / I.A. Shmerlina // *Sociologicheskij zhurnal*. 2021. Tom. 27. № 3. S. 35–39.
25. Shtompka P. Formirovanie sociologicheskogo voobrazheniya. Znachenie teorii // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2005. № 10. S. 64–72.
26. Shyutc A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sociologii / Sost. A.YA. Alhasov; Per. s angl. A.YA. Alhasova, N.YA. Mazlumyanovoj; Nauch. red. perev. G.S. Batygin. M.: In-t Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2003. 336 s.
27. Duranti A. Husserl, intersubjectivity and anthropology // *Anthropological Theory*. 2010. Vol. 10. № 1. P. 1–20.
28. Rouvroy A., Berns T., Carey-Libbrecht L. Algorithmic governmentality and prospects of emancipation // *Réseaux*. 2013. № 177 (1). P. 163–196. URL: <https://doi.org/10.3917/res.177.0163>
29. Sen A. Well-being, agency and freedom: The Dewey lectures // *Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. № 4. P. 169–221.
30. Sen A. Development as freedom. 1st ed., 6th print. New York: Alfred A. Knopf, 2001. 384 p.

Сведения об авторах / About Authors:

Игумнов Олег Александрович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Московский педагогический государственный университет, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Igumnov Oleg Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Economic Theory and Management Department, Moscow Pedagogical State University, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков, Южный федеральный университет, e-mail: dgsrostov2013@gmail.com

Denisova Galina Sergeevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, National history of the XX–XXI centuries Department, Southern Federal University, e-mail: dgsrostov2013@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.12.2025 / The article was received on 20.12.2025

Статья принята к публикации 29.12.2025 / The article accepted for publication 29.12.2025